

Полина Светлова

Пудовиковы
и Экспресс
«Северное
Сияние»

Полина Светлова

**Пудовикóвы и Экспресс
«Северное Сияние»**

«Автор»

2026

Светлова П.

Пудовиковы и Экспресс «Северное Сияние» / П. Светлова —
«Автор», 2026

Семья Пудовиковых из Воронежа получает телеграмму от кота Барнаби: Магический Совет наградил их путёвкой в швейцарский пансионат «Эдельвейс». Только билеты необычные — на экспресс «Северное Сияние», отправляющийся с перрона номер ноль, которого не существует. Внутри поезда всё живое: картины шевелятся, совы-манометры хлопают глазами, а паровоз «Старый Фердинанд» топится углём из снов и разговаривает голосом, от которого мурашки бегут по коже. Он признаётся: за сто двадцать лет впервые ему тревожно. А потом из трубы вырывается пар — и замерзает прямо в воздухе. Восьмилетняя Люба уверена: дедушку Фердинанда продырявило насквозь. Что скрывается за стеклянным навесом перрона номер ноль? Успеет ли семья разгадать тайну, пока экспресс не замёрз изнутри? Волшебство, юмор и семейное тепло в одной повести-сказке для читателей всех возрастов.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Телеграмма от кота и перрон номер ноль	6
Глава 2. Старый Фердинанд и его котельная	9
Глава 3. Пассажиры ночного экспресса	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Полина Светлова
Пудовикóвы и Экспресс
«Северное Сияние»

Пудовикóвы и Экспресс «Северное Сияние»
Повесть-сказка

Глава 1. Телеграмма от кота и перрон номер ноль

Письмо прилетело в Воронеж в четверг, ровно в семь утра, и доставила его не почта.

Обыкновенная городская ласточка — вернее, совершенно необыкновенная ласточка с крошечной кожаной сумкой через плечо — постучала клювом в форточку кухни, влетела в форточку, вылетела в форточку, снова влетела, сделала круг над столом, рассыпала три пера и наконец уронила на скатерть плотный кремовый конверт с золотой печатью в виде цветка лотоса.

— Птица нарушает авиационные правила, — прокомментировал папа Максим, не отрываясь от яичницы. — Полёты над жилыми помещениями, несанкционированное проникновение... Валюша, у неё хоть груз застрахован?

— Максик, у птицы телеграмма, — спокойно сказала Валя, уже разрезая конверт кухонными ножницами. — Читай вслух, Миша.

Семнадцатилетний Миша принял листок пергамента, от которого пахло сандалом и чем-то похожим на грозу, и прочитал:

«Дорогие спасители „Лотоса“! Магический Совет, не посоветовавшись со мной лично, но зато единогласно, постановил: семья Пудовиковых из Воронежа награждается путёвкой в пансионат „Эдельвейс“, Швейцарские Альпы, семь дней полного пансиона. Проезд оплачен. Билеты вложены. Отправление — экспресс „Северное Сияние“, Цюрих, перрон номер ноль, суббота, двадцать один ноль-ноль. P.S. Ключик пусть возьмёт обязательно. P.P.S. Кланяюсь кот. Барнаби, и.о. управляющего, старший консьерж, хранитель печатей».

— Перрон номер ноль, — задумчиво повторил Миша, разглядывая шесть билетов из тонкого металла, похожего на застывший лунный свет. — На вокзале Цюриха одиннадцать перронов. Я проверял.

— Значит, будет двенадцать, — пожала плечами Валя и уже доставала из шкафа чемоданы. — Экипаж, слушай боевой приказ: сборы — три дня. Горы, значит, тёплое. Горы, значит, слоёное. Люба, слезь с люстры, она не выдержит даже тебя.

В субботу вечером на цюрихском вокзале шёл мокрый колючий снег. Табло показывало одиннадцать перронов. Двенадцатого не было. Не было и нулевого.

— Логично, — заявил Максим, вращая головой под капюшоном. — Нумерация с нуля — это привычка программистов, а не железнодорожников. Миша, где твой перрон?

Миша молча достал латунную сферу — подарок архимага — и подбросил её на ладони. Сфера зависла над рукой, поплыла сквозь толпу к глухому кирпичному тупику между камерами хранения и кофейным киоском, трижды мигнула и растворилась в воздухе.

На кирпичах проступила светящаяся арка, а за ней — маленький перрон под стеклянным навесом, с чугунными фонарями тёплого зеленоватого огня.

И на этом перроне стоял поезд.

Таких поездов не бывает. Паровоз — чёрный, с медными боками, отполированными до зеркального блеска, — был размером с двухэтажный коттедж, а труба его напоминала цилиндр фокусника. На фронте старинной вязью красовалось имя: «Старый Фердинанд». За паровозом тянулись вагоны из тёмного дерева, с витражными окнами и балкончиками на крышах, и весь состав тихо гудел, будто напевал себе колыбельную.

— Паровоз! — выдохнула Люба, и её капюшон слетел с головы. — Настоящий! С топкой! Пап, там же живое пламя!

— Там же нечем гореть, — автоматически отозвался Максим, но голос его дрогнул. — У него... у него нет тендера с углём. Валюша, как он работает без топлива?

— Добрый вечер! Добрый вечер! Билетики, пожалуйста! — мимо семьи засеменил крошечный человечек в железнодорожной фуражке, которая была ему велика ровно вдвое, из-за чего человечек постоянно придерживал её обеими руками. Ростом он доставал Насте до локтя, нос у него был круглый и красный, а в петлице сверкал медный значок: «Т. КРУМ. ГЛ. ПРОВОДНИК». — Главный проводник Теодор Крум, к вашим услугам! Опаздываете на две минуты, но ничего, экспресс подождёт, он у нас понимающий, ха-ха... Хотя как раз сегодня он какой-то нервный. Билетики!

— А топливо? — не унимался Максим, протягивая металлические пластинки. — Чем питается локомотив?

Теодор Крум заговорщицки прикрыл рот рукой в варежке:

— Углем из снов, милостивый государь. Добывается на Специальных Сновиденных Копях, брикеты прессуются из хороших детских сновидений, теплотворная способность — выше всяких похвал. Один брикет — одно счастливое воспоминание. А вода... — он понизил голос до шёпота, — вода кипячёная. Обычная. Фердинанд, знаете ли, привереда. Сырую не пьёт. Желудок.

Максим открыл рот, закрыл рот и сказал только:

— Я буду вести протокол. Настя, ты всё это рисуешь?

Настя уже рисовала. Она стояла посреди перрона под мокрым снегом, и её новый скетч-бук светился изнутри мягким золотом: серебряная кисть архимага сама смешивала краски, а карандаш успевал за рукой. На листе росли витражные окна вагонов, и нарисованный снег падал вверх.

Маруся не рисовала и не расспрашивала. Она подошла к паровозу вплотную, положила обе ладошки на холодную медную обшивку и долго-долго молчала, слушая. Потом обернулась к маме и сказала очень серьёзно:

— Мам. Ему тревожно. Он говорит: «В первый раз за сто двадцать лет мне тревожно, и я не понимаю почему».

— Дети, — позвал Теодор Крум, уже вися на подножке. — Поезд отправляется через три минуты. В путь, в путь!

И экспресс «Северное Сияние» тронулся — без толчка, без скрежета, мягко, будто его подхватила на руки очень большая и очень добрая рука.

Глава 2. Старый Фердинанд и его котельная

В котельной Старого Фердинанда

Внутри вагон оказался совсем не таким, каким должен быть внутри вагон.

Коридор был обшит ореховым деревом, по стенам в латунных рамах висели картины, которые шевелились: корабль на одной покачивался на волнах, а на другой подсолнухи медленно поворачивались вслед за лампами. В купе семьи стояли не две полки, а четыре широкие кровати под балдахинами, круглый стол с самоваром и окно — огромное, во всю стену, из которого было видно, как Цюрих уплывает назад, разбрасывая огни, будто горсть светлячков.

— Так, — Валя хлопнула в ладоши. — Расселение за десять минут, потом ужин. Люба, не трогай ручку двери, она на тебя уже рычит...

Но Люба, разумеется, трогала ручку двери, а через минуту её не было в купе: восьмилетний разведчик уже нёсся по коридору к носу поезда, туда, где из-под двери машинного отделения выбивалась тёплая полоска света и пахло — Люба остановилась и принялась — пахло жжёным сахаром, корицей и почему-то морем.

Максим догнал её на пороге котельной и замер.

Котельная «Старого Фердинанда» была высотой в три этажа. Посреди неё высилась медная топка с круглым иллюминатором, за которым колыхалось не пламя — что-то золотисто-розовое, похожее на закат, свёрнутый в клубок. По стенам змеились трубы всех калибров, а на них сидели крошечные медные совы-манометры и сонно хлопали глазами-циферблатами. У топки на табурете сидел Теодор Крум и подбрасывал в огонь брикеты, похожие на кубики прессованного мёда.

Каждый брикет вспыхивал не искрами, а картинками: вот мальчик катается на велосипеде, вот девочка получает щенка, вот кто-то очень старый смеётся, держа на коленях внука. Картинки взлетали к своду и таяли, а поезд от каждой тихо и довольно вздрагивал.

— Уголь из снов, — прошептал Максим. — Он буквально топится чужими счастливыми воспоминаниями. Это же... это же нарушение первого начала термодинамики, это энергия из ничего!

— Не из ничего, сударь, — раздался снизу глубокий, как органная педаль, голос. — Из добра. Разница существенная.

Голос шёл из самой топки. Иллюминатор дрогнул, медный лист обшивки сложился в подобие лица — с усами из паропроводов и глазами-манометрами.

— Фердинанд. Сто двадцать лет в рейсах. Три миллиона километров между мирами. Позвольте поинтересоваться, уважаемый пассажир: вы инженер?

— Ведущий конструктор, — машинально ответил Максим и снял шапку. Он сам не понял, зачем снял шапку перед паровозом.

— Тогда вы меня поймёте, — вздохнул Фердинанд, и из его трубы вырвалось колечко пара в форме сердца. — Вот скажите, сударь: бывает ли у машины настроение?

— Бывает, — неожиданно для себя сказал Максим. — У станка на нашем заводе бывало. Если к нему по-человечески, он и допуск держит, и не греется. Если мимоходом — клинит на ровном месте.

— Золотые слова, — одобрил паровоз. — Машину, сударь, хоть железную, хоть магическую, смазывает не масло. Смазывает внимание. Вот сегодня... — манометры-глаза тревожно дёрнулись, — сегодня мне тревожно. Сам не пойму отчего. Котёл вроде чист, давление в норме, а внутри будто сквозняк.

— Простуда это, — авторитетно заявила Люба, влезая на табурет рядом с Теодором. — У тебя, дедушка Фердинанд, в топке сквозняк гуляет. Я слышу. Тебя продырявило насквозь!

Фердинанд закашлялся. Кашель у паровоза был страшный: трубы зазвенели, совы-манометры проснулись и заухали, а из трубы наружу вылетело облачко пара, которое тут же... заледело. Прямо в воздухе. Хрустальные крупинки со звоном посыпались на медную спину.

Котельная притихла.

— Это не пар, — медленно сказал Теодор Крум, бледнея под фуражкой. — Пар не мёрзнет при плюс сорока.

— А при какой мёрзнет? — деловито спросил Максим.

— Ни при какой, — прошептал проводник. — У нас на экспрессе за сто двадцать лет не бывало ни одной поломки. Ни одной! Мы даже в расписании значимся как «поезд, который никогда не опаздывает, потому что умеет договариваться со временем». А теперь... — он схватился за фуражку обеими руками, — теперь у нас ледяной пар в котельной, и через три часа Временной Мост, а через Временной Мост, господа, нельзя идти на холодном сердце!

Маруся всё это время молча стояла в дверях, прижимая к груди кулачок с золотым ключиком. Теперь она подошла к топке и положила ладошку на иллюминатор.

Золотистый закат внутри дрогнул и потускнел, будто его присыпало снежной пылью.

— Он не простужен, — тихо сказала Маруся. — Он потерял что-то живое. И очень по нему скучает.

Глава 3. Пассажиры ночного экспресса

К ужину выяснилось, что экспресс «Северное Сияние» населён не хуже небольшого города.

Вагон-ресторан занимал весь третий вагон: двенадцать столов под зелёными абажурами, саморасправляющиеся скатерти и официанты — дюжина серебряных подносов, паривших в воздухе на высоте человеческого роста.

В углу, занимая сразу четыре стула, дремал йети в дорожном пледе: перед ним стояла нетронутая тарелка, а сам он тихонько храпел. У окна сидели три дамы в платьях из тумана — туманные феи: вместо чая перед ними стояли чашки с утренним горным воздухом. По карнизу расхаживала почтовая сова в форменной фуражке, а под столом у Насти что-то осторожно нюхало её кроссовок — домовый Кузьма, сопровождавший багаж ведьмы до самой Праги.

Но главное ждало семью в меню.

— «Суп „Ария“», — вслух читала Валя. — «Подаётся горячим. Употреблять исключительно во время пения. При попытке есть молча суп обижается и убегает». Максик, это что за инструкция?

— Это издевательство над потребителем, — сказал Максим. — Еда не обязана иметь характер.

Официант-поднос с поклоном опустил перед ним тарелку золотистого бульона с аккуратной горкой лапши. Бульон посмотрел на Максима — обнаружили глаза-изюминки — и выжидательно замер.

Максим взял ложку. Суп немедленно отплыл к дальнему краю тарелки.

— Стоять, — скомандовал Максим. Суп подпрыгнул и перелился через край, шлёпнувшись на скатерть лужицей, которая тут же приняла форму обиды: лужица сложила ручки.

— Я же говорил: характер, — фыркнул Миша, наблюдая, как по соседнему столу бодро марширует жареный пирожок, преследуемый вилок хозяйки. Пирожок был живой, с румяными пятками, и явно не желал быть съеденным прежде, чем его не похвалят.

— Дети, — Валя оглядела поле битвы и включила свой командирский голос. — Объявляется антикризисный ужин. Настя, прекрати срисовывать убегающие котлеты и слушай. Правила простые: здешняя еда живая, значит, к ней нужен педагогический подход. Как к вам в детстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.